

Содержание

<i>Александр Павлов. Социально-философский</i>	
нарратив Бён-Чхоль Хана.	7
Предисловие.	19
ОТ ПОВЕСТВОВАНИЯ К ИНФОРМАЦИИ.	27
СКУДОСТЬ ОПЫТА.	41
РАССКАЗАННАЯ ЖИЗНЬ.	53
ГОЛАЯ ЖИЗНЬ.	69
РАСКОЛДОВЫВАНИЕ МИРА.	81
ОТ ШОКА К ЛАЙКУ.	101
ТЕОРИЯ КАК ПОВЕСТВОВАНИЕ.	111
ПОВЕСТВОВАНИЕ КАК ЛЕКАРСТВО.	121
СООБЩЕСТВО ПОВЕСТВОВАНИЯ.	131
СТОРИСЕЛЛИНГ.	141
Примечания.	147

Социально-философский нарратив Бён-Чхоль Хана

«Кризис повествования» — четвертая книга немецкого философа корейского происхождения Бён-Чхоль Хана, которая выходит в проекте «Лёд»*. Четвертая и самая свежая: на немецком она вышла в 2023 году, и ее даже пока что не успели перевести на английский — удивительно, если учитывать то, как быстро эссе Хана появляются на языках всего мира. Впрочем, права на перевод «Кризиса повествования»,

* Три другие работы — «Агония эроса», «Общество усталости» и «Аромат времени» — вышли в проекте «Лёд» в 2023 году.

Кризис повествования

кроме России, уже приобретены следующими странами: Китай, Италия, Греция, Турция, США, Великобритания и Испания*. Так что очень скоро с этой книгой познакомятся читатели, разговаривающие на самых разных языках. Но главное не это.

Главное то, что «Кризис повествования» публикуется на русском языке *вовремя*. Не только в том смысле, что эссе было написано и издано прямо в этом, 2023 году, но также и в том, что оно помогает лучше понять те работы Хана, которые уже вышли на русском и которым еще только предстоит выйти (в проекте «Лёд» ожидаются «Топология насилия» и «Деконструкция западной страсти»). Как явствует из названия эссе — для которого Бён-Чхоль Хан против обычного даже не дал подзаголовков, полагая, видимо, что и без него все понятно, — сегодня мир переживает глубочайший нарративный кризис. Конечно, требуется ряд уточнений, что это такое и каков характер оплакиваемого нарратива, но суть ясна.

Фактически обилием коротких (будем честны: часто даже коротеньких) книг Хан соз-

* См.: <https://www.matthes-seitz-berlin.de/book/die-krise-der-narration.html>

Социально-философский нарратив Бён-Чхоль Хана

дает собственный нарратив. От одной книги его мысль перетекает в другую. Сколько бы книг он ни писал, все они связаны не только личностью автора, но и буквально тематически. При этом крайне важно, что точкой входа в этот нарратив может стать абсолютно любая работа Хана. Эссе Хана можно читать практически в произвольном порядке (при этом, конечно, в каждой работе есть свои знаки времени — примеры или акцент на конкретном феномене), но лучше прочитать их как можно больше. Только в совокупности его работ раскрывается повествовательный замысел его социальной критики. Сам же «Кризис повествования» на метауровне превращает все творчество философа в единую вселенную, со своими темами и героями. В этом достаточно длинном нарративе есть постоянные персонажи — Вальтер Беньямин, Марсель Пруст, Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт, а также мыслители, которые исполняют камео разной степени важности — например, социологи Ева Иллуз или Хартмут Роза. Темы, которые составляют каркас нарратива социальной философии Хана, — неолиберализм, капитализм, информация и т. д. Одна из ключевых тем, которые не дают покоя Хану, — это время. Поэтому можно

Кризис повествования

не удивляться, что после «Аромата времени», оригинал которого вышел в 2009 году, философ вновь обращается к теме в «Кризисе повествования», осмысляя проблему по-новому.

Нарратив Хана очень авторский. В том смысле, что его афористичный лаконичный стиль философствования не всегда способствует тому, чтобы читатель мог заподозрить мыслителя в умении рассказывать истории. Его книги могут увлечь, но лишь подготовленного читателя, который дал себе труд прочесть больше чем одну работу философа. Хотя в каждом конкретном эссе Хана четко прослеживается единая повествовательная линия, нарративность приобретает именно *последовательность* книг. Каждая небольшая работа — это этап размышлений философа: эрос, усталость, ритуалы, насилие и т. д. Хан мыслит не столько предложениями или главами, сколько *книгами*. Мы могли бы сказать также и по-другому. Социально-философский нарратив Хана — отдельная философская вселенная идей или смыслов. Благодаря проекту «Лёд» эта вселенная иногда становится даже мультивселенной идей.

Так, в «Агонии эроса» Хан, как сказано выше, активно ссылается на социолога Еву Иллуз. Дело

в том, что в проекте «Лёд» вскоре ожидается публикация книги Иллуз и ее соавтора «Фабрика счастливых граждан»*. Сама Иллуз не цитирует Хана, по крайней мере, в данном тексте, но тема ее работы буквально совпадает с размышлениями Хана из «Агонии эроса» и других эссе. Иллуз как социолог восстает против позитивной психологии, Хан как философ резко критикует чрезмерный позитив современных западных обществ. И Иллуз, и Хан комментировали феномен скандального литературного произведения «Пятьдесят оттенков серого»**. В целом эпоху, которую так тщательно изучают Хан и Иллуз, они называют одинаково — «поздний модерн», к слову устоявшийся в среде социальных теоретиков термин, прочно занявший место, которое некогда принадлежало постмодерну. Словом, забегая вперед, можно сказать, что проект «Лёд», выстраивая мультивселенную идей или совре-

* Иллуз Е., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь. — М. : АСТ, 2023.

** Illouz E. Hard-Core Romance. Fifty Shades of Grey, Best-Sellers, and Society. Chicago and London: University of Chicago Press, 2014; Хан Б.-Ч. Агония эроса. — М. : АСТ, 2023. — С. 51–54.

Кризис повествования

менную кросс-нарративную социальную философию, вносит свою лепту в разрешение того, что Бён-Чхоль Хан называет кризисом повествования. Посредством перевода важнейших современных книг образуется нарратив смыслов.

Но в чем суть этого кризиса повествования и чем он так страшен? В 2009 году Хан вздыхал по тому, что современные общества утратили искусство медлительного созерцания, возможность «глубокой скуки» и в целом переживали темпоральный кризис. Философ уже тогда назвал это «детемпорализацией», уничтожающей всякий «нарративный прогресс». Иными словами, кризис нарратива Хану был очевиден еще в 2009 году. С тех пор прошло много лет, и вряд ли ситуация стала лучше. Конечно, все изменилось в худшую сторону. В 2009 году социальные медиа и новые технологии играли менее заметную роль в жизни современных людей. Очевидно, в 2023 году все радикально изменилось. Социолог Джуди Вайсман назвала это «ускорением жизни при цифровом капитализме»^{*}.

^{*} Вайсман Д. Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

Впрочем, чтобы заметить это, не нужно быть философом или социологом. Но, чтобы подтвердить, что изменения в практиках повседневности носят принципиальный качественный и количественный характер, требуется высказывание эксперта. Социолог Роб Китчин подтверждает это замечание: цифровые технологии оказывают колоссальное влияние на темпоральные режимы отдельных людей, домохозяйств и целых организаций, что радикально повлияло на повседневную жизнь, создав совершенно новую форму темпоральности*. Китчин, как социолог, по-своему объясняет эту революцию. Хан высказывается о новой темпоральности, завязанной на цифровизации, как философ. Он не говорит это прямо, но, кажется, гордится тем, что видит и замечает то, что другие видят, но не замечают.

Актуальный нам мир Хан называет по-разному — неолиберализмом, развитым капитализмом, информационным обществом (прозрачным, уставшим), обществом достижений, цифровым обществом, поздним модерном и т. д.

* Kitchin R. Digital Timescapes. Technology, Temporality and Society. Cambridge: Polity Press, 2023.

Кризис повествования

Все эти термины могут выступать как синонимы, однако они в деталях отражают общий повествовательный кризис. Макс Вебер некогда объяснял «расколдовывание мира» в модерне научной рационализацией. С точки зрения Хана, сегодня мы сталкиваемся с очередным «расколдовыванием мира», которое оставляет «расколдовывание мира» в модерне далеко позади. Нынешнее расколдовывание связано с информатизацией и цифровизацией, растворяющими мир в данных. Информация противопоставляется информации, а коммуникации (преимущественно в социальных сетях) — истинному общению, предполагающему «сообщество». «Мы воспринимаем действительность почти исключительно через цифровой экран. Она лишь очередной фрагмент экрана. На смартфоне действительность приглушается до той степени, что исходящие от нее впечатления утрачивают момент шока. *Шок отступает перед лайком*»*. Хан считает, что в начале XX века, когда Зигмунд Фрейд придумал психоанализ, шок помогал сознанию переживать травматический опыт, в то время как теперь место шока занимает лайк, упраздняющий всякую

* Наст. изд. — С. 107.

дистанцию, которая подразумевает нарративное напряжение. В то же время лайк подразумевает ту самую вездесущую позитивность. Точечное время, характерное для сети, не предполагает никакой повествовательности, которая могла бы создать исчезнувшие «сообщества повествования», где умеют слушать и рассказывать.

Однако кризис повествования выражается не в том, что нарративы исчезли вообще. Они остались, но либо стали микронарративами, не имеющими особого смысла, либо оказались подчинены капитализмом. «Нарративы, которые лежат в основе неолиберального режима, как раз затрудняют образование сообщества. Неолиберальный нарратив достижений, например, превращает каждого в *самому себе предпринимателя**. В этом и заключается главная проблема. Бён-Чхоль Хан противопоставляет нарратив и сторителлинг (storytelling). Используя уже существующий термин *storyselling* (с англ. «продажа историй»), Хан презрительно характеризует *storytelling* как иллюстрацию работы капитализма. Любопытно, что на Западе *storyselling* — буквально инструмент бизнеса, предполагаю-

* Наст. изд. — С. 135.

Кризис повествования

щий продажи (sell) посредством рассказывания историй (storyselling). Нарративы производятся для того, чтобы они были потреблены как товары. Капитализм присваивает повествование посредством сторителлинга, подчиняя повествование потреблению. Сторителлинг — рассказы, произведенные для потребления. Сторителлинг, фактически ставший инструментом бизнеса, является ярчайшим примером коммодификации нарративности, что и приводит к повествовательному кризису.

При этом сам Хан высоко ценит не только повествовательность как таковую, но и умение и способность рассказывания историй. Он различает ее и сторителлинг. Чтобы избежать ненужных коннотаций, он использует немецкий термин *Geschichtenerzählen*, наделяя его положительным значением, в то время как английское слово *storytelling* философ всегда употребляет в осуждающем тоне. Сторителлинг для Хана — это, по всей видимости, всегда капитализм. Когда-то Жан-Франсуа Лиотар, который тоже становится персонажем книг Хана, констатировал утрату доверия к метанарративам, назвав это состоянием постмодерна. При этом сам Лиотар отметил, что один метанарратив все

Социально-философский нарратив Бён-Чхоль Хана

еще остается актуальным. И этот нарратив — капитализм. Но, как он заметил, нарратив капитализма — обо всем и ни о чем.

Кажется, Хан хорошо чувствует эту проблему — капитализм представляет собой мощный метанарратив, который с трудом поддается описанию. Эту проблему Хан решает всем своим творчеством, развенчивая все те негативные явления, которые следуют за капитализмом. «Рассказывая истории» о кризисах — нарратива, эроса, времени и т. д., Хан, пускай и посредством критики, придает этому миру осмысленность. С книгой «Кризис повествования» этот проект философа становится особенно понятным. Что ж, он продолжит рассказывать истории в книгах «Топология насилия» и «Деконструкция западной страсти», которые ожидаются в проекте «Лёд».

*Александр Павлов, д. филос. н., профессор,
руководитель Школы философии
и культурологии факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
ведущий научный сотрудник,
руководитель сектора социальной философии
Института философии РАН*

Внимание, рассказ.
Пожалуйста, потерпите немного ради рассказа.
А еще потерпите во время рассказа!
*Петер Хандке**

Предисловие

Сегодня все говорят о нарративах. Чрезмерное употребление нарративов парадоксальным образом свидетельствует о нарративном кризисе. В шуме сторителлинга правит нарративный вакуум, который проявляется в смысловой пустоте и утрате ориентиров. Ни сторителлинг, ни нарративный поворот не смогут привести к *возврату повествования*. То, что парадигма специально тематизируется и даже становится излюбленным предметом для исследований, предполагает *глу-*

* Handke P. Zwiesgespräch. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2022. S. 10. Здесь и далее в постраничных сносках будут приводиться примечания переводчика, в концевых — автора. Примечания научного редактора также будут даны в этих сносках и отмечены отдельно. — *Прим. пер.*

Кризис повествования

бинное отчуждение. Громкий призыв к нарративам указывает на их *функциональный дефект*.

Когда рассказы укореняли нас в *бытии*, то есть предоставляли нам *место* и делали из бытия-в-мире *бытие-дома*, придавая жизни смысл, опору и ориентиры, то есть когда сама жизнь была *повествованием*, ни о сторителлинге, ни о нарративах речи не было. Такие понятия употребляют без меры именно тогда, когда рассказы теряют свою изначальную силу, свою гравитацию, свою тайну, а равно и свою магию. Увиденные в своей *сконструированности*, они утрачивают *внутренний момент истины*. Они сами начинают казаться контингентными, заменяемыми и изменяемыми. От них больше не исходит ничего обязующего или связующего. Они больше не укореняют нас в *бытии*. Несмотря на нынешний хайп вокруг нарративов, мы живем в *постнарративное время*. Нарративное сознание, которое якобы следует из нарративного устройства человеческого мозга, возможно только в постнарративное время, то есть вне *пленительной силы нарратива*.

Религия — это характерное повествование с внутренним моментом истины. Она *рассказывает* контингентность (*erzählt die Kontingenz weg*). Христианская религия — это мета-

повествование, которое охватывает каждый закоулок жизни и укореняет его в бытии. Само время нагружается нарративно. Христианский календарь придает каждому дню осмысленность. В постнарративное время он денарративируется до лишнего смысла ежедневника. Религиозные праздники — это высшие и кульминационные точки повествования. Без повествования не бывает праздника, праздничного времени, чувства праздника как усиленного чувства бытия, но лишь работа и свободное время, производство и потребление. В постнарративное время праздники коммерциализируются в виде ивентов и спектаклей. Ритуалы — это тоже нарративные практики. Они всегда встроены в контекст повествования. Будучи символическими техниками создания ограждений (*Einhausung*), они превращают бытие-в-мире в бытие-дома.

Преобразующее, открывающее мир повествование вводится в мир не произволом отдельной личности. Скорее, своим возникновением оно обязано сложному процессу, в котором участвуют различные силы и акторы. Оно в конечном счете является *выражением настроения времени*. Это повествование с *внутренним моментом*

Кризис повествования

истины противоположно урезанным, заменяемым нарративам, которые сами стали контингентными, то есть нынешним микро-нарративам, в которых отсутствует любая *сила тяжести*, любой *момент истины*.

Повествование — это *форма заключения (Schlussform)**. Оно образует *завершенный (geschlossene)* порядок, который учреждает смысл и идентичность. В позднем модерне, определяемом открытием и стиранием границ, формы заключения и завершения все больше ликвидируются. В то же время ввиду растущей терпимости усиливается потребность в нарративных формах заключения. Популистские, националистические, правоэкстремистские или трайбалистские нарративы, включая теории заговора, обслуживают эту потребность. За них хватаются как за *предложение смысла и идентичности*. В постнарративное время с растущим опытом контингентности эти нарративы тем не менее не порождают мощной связующей силы.

Рассказы производят сообщество. Сторителлинг, в свою очередь, образует лишь комью-

* Подробнее свой концепт заключения Хан разбирает в книге «Агония эроса».

нити как товарную форму сообщества. Комьюнити состоит из потребителей. Никакой сторителлинг не сможет вновь разжечь тот костер, вокруг которого люди собираются и рассказывают друг другу истории. Костер давно угас. Его заменил цифровой экран, который разобщает людей как потребителей. Потребители одиноки. Они не образуют сообщества. Сториз на социальных платформах тоже не могут устранить нарративный вакуум. Они являются ничем иным, как порнографическими представлениями или рекламой самих себя. Посты, лайки и шэринг как потребительские практики обостряют нарративный кризис.

Посредством сторителлинга капитализм присваивает себе повествование. Он подчиняет его потреблению. Сторителлинг производит рассказы в потребительской форме. С его помощью продукты нагружаются эмоциями. Они сулят особый опыт (*Erlbrnisse*). Так мы покупаем, продаем и потребляем нарративы и эмоции. *Storys sell**. *Сторителлинг — это сториселлинг*.

Повествование и информация — это противодействующие силы. Информация обостряет опыт

* Сториз продают (*англ.*).

контингентности, тогда как повествование его редуцирует, делая из случайности необходимость. Информации недостает *устойчивости бытия*. Как проницательно отмечает Никлас Луман: «Ее [информации] космология — это космология не бытия, а контингентности»¹. *Бытие и информация* исключают друг друга. Поэтому информационному обществу присущи *нехватка и забвение бытия*. Информация аддитивна и кумулятивна. Она не носитель смысла, тогда как повествование передает смысл. Смысл изначально означает направление*. Так что сегодня мы наилучшим образом информированы, но утратили ориентиры. Кроме того, информация дробит время на простую последовательность настоящего. Повествование, напротив, производит темпоральный континуум, то есть *историю*.

С одной стороны, информатизация общества ускоряет его денарративацию. С другой стороны, посреди цунами информации просыпается потребность в смысле, идентичности и ориентирах, то есть потребность *проредить*

* Современное слово *Sinn* происходит от средневерхненемецкого и древневерхненемецкого *Sin*, что буквально означает «дорога», «путешествие», «путь».

густой лес информации, в котором нам грозит заблудиться. Нынешний поток эфемерных нарративов, в том числе теорий заговора, и цунами информации — это в конечном счете две стороны одной медали. В море информации и данных мы ищем, где бы встать на *якорь нарратива*.

Сегодня в повседневной жизни мы рассказываем друг другу все меньше историй. Коммуникация как информационный обмен несет гибель рассказыванию историй (*Geschichtenerzählen*). На социальных платформах в равной мере не рассказываются истории. Истории связывают людей друг с другом, усиливая способность к эмпатии. Они производят сообщество. Утрата эмпатии в эру смартфона — это красноречивый знак того, что он не является медиумом повествования. Уже его технический Диспозитив осложняет рассказывание историй. Тапы или свайпы — это не нарративные жесты. Смартфон допускает только ускоренный информационный обмен. Кроме того, повествование предполагает слушание и глубокое внимание. Сообщество повествования — это сообщество слушателей. Однако мы на глазах теряем терпение, чтобы слушать, да и терпение, чтобы рассказывать.